

Международное положение и основные векторы советской внешней политики накануне Великой Отечественной войны

О. А. Ржешевский*

1 сентября 1939 г. нападением гитлеровской Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Она продолжалась 6 лет и унесла около 60 млн. человеческих жизней, из них — 26,6 млн. в Советском Союзе.

Возникновение войн — это всегда исторический процесс, своими корнями уходящий в близкое или далекое прошлое. Геополитические итоги Первой мировой войны: распад некогда могущественных империй, возникновение целого ряда новых государств, перекройка границ, продиктованная Версальским договором и решениями Парижской мирной конференции (в Европе это произошло в первую очередь за счет Австро-Венгрии, Германии и России), привели к переделу мира в пользу англо-французской коалиции, к которой присоединились в 1917 г. США, и в то же время заложили основы ещё более глубоких противоречий в международных отношениях. Борьба за региональное и мировое господство, восстановление одними державами утраченных территорий и сфер влияния и защита завоеванных другими во многом определила в последующее двадцатилетие международные отношения в Европе и мире. Именно в геополитических категориях заявляли о своих целях лидеры стран, развязавших вторую мировую войну. Гитлер ещё в 1925 г. в своей книге «Майн кампф» провозгласил «дранг нах остен» Германии к «необъятным просторам России». В расистских теориях это преломлялось в характеристиках евреев и славян, некоторых других народностей как «недочеловеков», подлежащих беспощадной эксплуатации или уничтожению. Геополитические цели Японии были сформулированы в 1927 г. в меморандуме генерала Танака, представленном императору. В нем говорилось: «Для того, чтобы поко-

рить мир, мы должны прежде всего покорить Китай... Овладев ресурсами Китая, мы перейдем к покорению Индии, Малой Азии, Средней Азии и Европы». Муссолини в 1939 г. назвал Италию «узницей, томящейся в тюрьме, имя которой Средиземноморье», и призвал двигаться через Судан к Индийскому океану. Ряд малых стран, в том числе появившихся на политической карте после Первой мировой войны, ориентируясь на великие державы или подчиняясь их давлению, подливали масла в огонь, рассчитывая не только обеспечить безопасность своих границ, но и преследовали более амбициозные территориальные цели, как это, к примеру, имело место в случае с Польшей, а затем с Венгрией, Румынией и Финляндией. Принцип неделимости мира так и не утвердился. Насильственный передел его границ и географического пространства, как показала история XX века, неизбежно обострял национальные, этнические, религиозные и другие конфликты, в отдельности или в совокупности ведущие к дестабилизации целых регионов, а нередко и к войнам, связанным с интересами великих держав, их скрытого или прямого вмешательства в дела других государств.

Империализм как система, в недрах которой возникла Первая мировая война, порождал все новые противоречия в экономической сфере. Неравномерность экономического развития и имперские амбиции привели в середине 1930-х годов к расколу капиталистического мира. В одну из враждовавших между собой сил вошли Германия, Италия и Япония, в другую — Англия, Франция и США. Военная опасность усилилась, когда в Германии была установлена нацистская диктатура. Англия и Франция предприняли усилия отвести от своих стран угрозу германской агрессии, направить её против СССР

* Олег Александрович Ржешевский — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

(политика умиротворения), что явилось одной из причин неудачи создания в то время антигитлеровской коалиции с участием СССР (политика коллективной безопасности). США в межвоенные годы не играли решающей роли в европейских делах. С приходом Гитлера к власти в Германии США начали поддерживать политику Англии и Франции, в 1933 году установили дипломатические отношения с СССР. Основное внимание Соединенных Штатов было приковано к борьбе с милитаристской Японией за сферы влияния на азиатско-тихоокеанском театре. Тем временем в Европе гонка вооружений, милитаризация общественной жизни, которыми открыли историю XX века великие державы, принимали беспрецедентные масштабы.

Расстановка сил на международной арене после Первой мировой войны и Октябрьской революции особенно неблагоприятно складывалась для Советской России. Если на протяжении своей предыдущей истории Россия была вынуждена вести войны (в большинстве своем оборонительные) против одной или нескольких великих держав, то в межвоенный период впервые возникла реальная угроза их совместного похода против СССР. Страна оказалась в положении осажденной крепости, и важнейшая задача советской внешней политики состояла в том, чтобы разобщить могущественных противников, найти союзников, не допустить или максимально отдалить втягивание страны в войну.

***

1939 год мир встречал новыми тревогами. Спологи военного пожара разгорались с начала 1930-х гг. — захват Японией Маньчжурии в 1931 г. и вторжение в Центральный Китай в 1937 г., захват Италией Эфиопии в 1935 г., итало-германская интервенция в Испании в 1936–1939 гг., аншлюс («присоединение») Германией Австрии в марте 1938 г. Под занавес 1938 года, в ночь на 30 сентября главами правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Германии (А. Гитлер), Италии (Б. Муссолини) и Франции (Э. Даладьё) было заключено в Мюнхене соглашение, которое изменило соотношение сил в Европе и в конечном итоге привело ко Второй мировой войне. Соглашение предписывало Чехословакии в десятидневный срок передать Германии около 1/5 своей территории. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией, новая линия которой теперь фактически упиралась в предместья Праги. Отрицательное отношение к этим требованиям правительства Чехословакии во внимание не принималось. Её представителей даже не пригласили в зал заседаний. Лига Наций бездействовала.

Знаковым явилось совместное принуждение Чехословакии силами агрессивных диктаторских режимов Германии и Италии и западных демократий. В обмен Германия подписала с Англией (30 сентября) и Францией (6 декабря) декларации, которые по сути дела являлись пактами о ненападении.

Мюнхенская сделка готовилась длительное время и в одночасье разрушила с таким трудом созданный каркас системы коллективной безопасности в Европе, основу которой составили советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи (1935 г.). Предпринятые Советским Союзом действия в поддержку Чехословакии (сосредоточение войск на западных границах, дипломатические демарши) успеха не имели. Вместе с тем есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии — она капитулировала в условиях диктата. Оценивая эти события, виднейший британский историк Б. Лиддел Гарт сделал следующий вывод: «Предложение русских (об оказании помощи Чехословакии. — *О. Р.*) было игнорировано. Более того, Россию демонстративно лишили участия в Мюнхенском совещании, на котором решалась судьба Чехословакии. Это «пренебрежение» год спустя имело фатальные последствия»¹.

Англия и Франция, с одной стороны, Германия и Италия — с другой, преследовали мюнхенским соглашением неоднозначные цели. Для Германии это был промежуточный маневр к захвату всей Чехословакии и движения к «необъятным просторам России», Италия обретала уверенность в осуществлении при поддержке Германии своих колониальных планов. Англия и Франция рассчитывали ценой территориальных уступок в Европе умиротворить нацистскую Германию, ослабить заряд её агрессивной политики, нацеленной на западные демократии и направить его против СССР — в последнем цели подписантов мюнхенского соглашения совпадали. Это была дорога в бездну.

События в Европе приобрели ещё более угрожающий характер. 15 марта германские войска в нарушение мюнхенского соглашения вступили в Прагу. За день до этого по указке из Берлина была провозглашена «независимость» Словакии. Соучастниками раздела Чехословакии стали Венгрия и Польша. Польша оккупировала Тешинскую Силезию, Венгрия — Закарпатскую Украину. Чехословакия как государство перестало существовать. 22 марта Германия ввела войска в Клайпеду (Мемель) — ранее немецкий город и порт, переданный Лигой Наций в 1923 году Литве. 7 апреля Италия оккупировала Албанию. Двамя месяцами раньше Германия «в услугу за услугу» потребовала от Польши вернуть город и порт Гданьск, который до «приговора в Версале» также являлся германской территорией, предъявила Польше другие требования. На самом деле Данциг был очередным «промежуточным звеном» в агрессивных планах Германии, поводом для нападения на Польшу. Выступая на совещании с командованием вермахта 23 мая 1939 г., Гитлер говорил: «Данциг — отнюдь не объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке»².

11 марта Англия, а затем Франция объявили о своих собственных гарантиях Польше. 11 апреля Гитлер, используя отказ Польши выполнить германские требования и демонстративную поддержку её Англией и Францией, утвердил план «Вайс» — войны с Польшей. Был установлен срок готовности к войне — 1 сентября 1939 г.³ Так впервые в немецких документах появилась дата начала одной из величайших трагедий в истории человечества.

Напомним, что к этому времени была достигнута предварительная договоренность о заключении военного союза между Германией, Италией и Японией. Дальнейшие события в Азии не заставили себя ждать.. Японские милитаристы, несмотря на уроки поражения своей военной провокации у озера Хасан, развернули в мае 1939 г. войну против дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики. Боевые действия группы советско-монгольских войск, которыми командовал комкор Г. К. Жуков, завершились в сентябре разгромом японской 6-й армии⁴. Но очевидной стала реальная военная угроза нашей стране как на Западе так и на Востоке.

Период марта–августа 1939 г. — это маневры потенциально и реально противостоящих сил, направленных на поиски союзников и разобщение противников. Многосторонние и двусторонние переговоры велись между Англией и Германией; Англией и Францией; Англией, Францией и Германией с Советским Союзом; ими вместе и в отдельности с малыми и средними странами Европы; между Германией, Италией и Японией; между Японией и Советским Союзом и т. д. Их результаты определили расстановку сил к началу Второй мировой войны и во многом к нападению Германии на СССР и Японии на США в 1941 г.⁵

***

С началом международного политического кризиса, который последовал за заключением мюнхенского соглашения, захватом Германией Чехословакии и нападением Японии на союзную СССР Монгольскую Народную Республику конкурировали два основных вектора советской внешней политики: превентивный, имевший целью предотвратить нападение Германии и её союзников на СССР, и коалиционный, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Одна из особенностей создавшегося положения состояла в том, что каждая из империалистических группировок стремилась вовлечь СССР в надвигающуюся войну, подставить его под удар, прикрываясь готовностью к переговорам. Первый демонстрационный шаг предприняла Германия. На новогоднем приеме в наступившем 1939 г. Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А. Мерекалову. Как сенсация было расценено первое за всю историю появление в марте в советском посольстве в Лондоне премьер-министра Н. Чемберлена. Французский премьер Э. Даладьё провел несколько встреч с советским послом Я. Сурицем.

СССР, естественно, был заинтересован в заключении политического и военного союза с западными демократиями и вступил с ними в апреле 1939 г. в политические переговоры. Инициативу проявила Великобритания, которая как и Франция после захвата Германией Чехословакии пока ещё смутно, но опасалась, что нацистская Германия может «поменять расписание» и следующий удар направить не на Восток, а на Запад. Начались англо-франко-советские (московские) переговоры, важнейшей частью которых явились военные переговоры (12–22 августа 1939 г.). Как показали последующие события, это была последняя возможность предотвратить Вторую мировую войну.

Британскую делегацию возглавлял адъютант короля адмирал Р. Дракс, французскую — член Военного Совета генерал Ж. Думенк, советскую — нарком обороны маршал К. Ворошилов. В хранящейся в архиве МИД РФ инструкции советской делегации, записанной маршалом предположительно под диктовку И. Сталина, указывалось вести переговоры с целью заключения военной конвенции, но при условии практического согласования конкретных и действенных мер, направленных на обеспечение взаимной безопасности в случае германской агрессии. Принципиальным в инструкции был вопрос о пропуске Красной Армии через территорию Польши и Румынии, иначе «оборона против агрессии в любом её варианте обречена на провал» — германские армии беспрепятственно могли выйти к советским границам. Московским переговорам посвящена обширная литература. Выделим следующее: в Москве было известно, что в конце августа Германия начнет войну с Польшей и намеревается разгромить её в течение двух недель. Разведка также сообщала, что Чемберлен выступает противником какого-либо обязывающего договора с СССР. Было известно и то, что в Великобритании активизируются влиятельные антинацистские силы в лице У. Черчилля и его окружения. Советская дипломатия также рассчитывала на косвенную поддержку своей позиции президентом США Ф. Рузвельтом, который не всегда последовательно, но выступал с осуждением действий агрессоров. На одном из секретных совещаний он положительно оценил советскую политику в период гражданской войны в Испании и высказался за помощь нашей стране в случае нападения Германии. Но Черчилль ещё был вне правительства, а политика США на европейском направлении после «присоединения» гитлеровцами Австрии и захвата Чехословакии только прояснялась.

Московские переговоры забуксовали. Тем временем, новую инициативу проявила Германия, с которой СССР, вслед за Англией также вступил в переговоры. В результате приобрела реальные очертания возможность заключения с Германией пакта о ненападении, ограничивающего продвижение вермахта на восток.

Переговоры с англичанами и французами зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским

армиям в случае агрессии. Рассекреченные французские документы фиксируют ход переговоров день за днем. 17 августа глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк сообщил из Москвы в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения». 20 августа он информировал свое руководство: «Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позиции»⁶. В тот же день министр иностранных дел Польши Ю. Бек, передоверившись британским гарантиям, телеграфировал своему послу во Франции Ю. Лукасевичу: «Польшу с Советским Союзом не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такого договора заключать не собирается»⁷. В своей новой книге «За закрытыми дверями» британский автор Л. Риз, изучавший документы о московских переговорах, заключил, что делегация во главе с Р. Драксом следовала «самоубийственной тактике» — вообще не отвечать на вопросы, касающиеся Польши. «Когда советский маршал Ворошилов 14 августа напрямую поставил вопрос о допуске Красной Армии на территорию Польши для борьбы с нацистами, делегация союзников оставила вопрос без ответа»⁸. Одной из неиспользованных советской делегацией инициатив могло быть, на наш взгляд, приглашение в Москву полномочного представителя Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через её территории в случае нападения Германии.

Развязка приближалась. Вечером 21 августа Ж. Думенк получил в Москве следующую телеграмму: «По распоряжению Председателя Совета министров генерал Думенк уполномочивается подписать в общих интересах и с согласия посла военную конвенцию. Гамелен»⁹ — германская агрессия на западе в первую очередь угрожала Франции. 22 августа Думенк сообщил о телеграмме Гамелена Ворошилову. Но Лондон хранил молчание.

Газеты сообщали, что Чемберлен ловил рыбу, а Галифакс охотился на уток. Позднее из британских источников стало известно, что на 23 августа был согласован прилет Геринга в Великобританию для встречи с Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-германских переговорах¹⁰. Тайну подготовки переговоров хранят британские архивы.

Американские историки А. Рид и Д. Фишер пишут о драматических событиях на тройственных переговорах в августе 1939 г.: «Англия и Франция в последнюю минуту могли одуматься, Польша — понятие реальности, а германское предложение — рухнуть. Сталин оставлял обе двери открытыми. Однако постепенно приоритеты изменились в пользу Германии, союзникам была отведена вторая позиция...»¹¹.

Как и в Первой мировой войне, все решилось «в последний час». Получив от Сталина согласие на подписание договора о ненападении между СССР и Германией, Гитлер направил в указанный ему

срок 23 августа министра иностранных дел Германии в Москву. В ночь на 24 августа в Кремле договор (пакт Молотова — Риббентропа) был подписан. Это политическое решение на какое-то время гарантировало страну от войны с Германией, с её реальными и потенциальными союзниками. Германия при нападении на Польшу избавлялась от угрозы войны на два фронта и рассчитывала на нейтралитет Англии и Франции, но в последнем просчиталась. 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили Германии войну.

Секретный протокол и последующие договоренности с Германией предусматривали раздел «сфер интересов» между Германией и СССР и являлись важной составной частью подписанных документов. К «сфере интересов» СССР относились Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, восточная часть Польши, (Западная Белоруссия и Западная Украина), Бессарабия. Все это были государства или территории, входившие в состав России, отторгнутые у неё после Первой мировой войны решениями в Версале, или путем прямых аннексий. Граница сферы советских интересов неформально признавалась Германией максимальным рубежом продвижения своих войск на восток. Отметим, что секретные протоколы к договорам — обычная практика и не только того времени. 25 августа 1939 г. в Лондоне было подписано англо-польское соглашение о взаимопомощи, в соглашении говорилось, что помощь Польше будет оказана немедленно. В секретном протоколе к соглашению были определены государства или территории, которые входили в сферу интересов сторон: Бельгия, Голландия, Данциг и Литва. Упомянулись также Латвия, Румыния и Венгрия¹².

Оценивая преимущества и издержки для нашей страны советско-германских договоренностей о разделе «сфер интересов» необходимо иметь в виду следующее. Есть такое понятие в военной науке — геостратегическое пространство. В 1939–1940 гг. советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, обеспечивало возможности для более надежной обороны страны. В иных условиях немецко-финские войска начинали наступление, находясь в 32 км от Ленинграда, немецкие в 35 км от Минска, немецко-румынские в 45 км от Одессы и т. д. Ход войны показал, насколько важными оказались эти «километры», чтобы выстоять в тяжелейшем 1941 году, особенно для обороны Ленинграда и Москвы.

Разнонаправленное, но немаловажное значение имело для каждой из сторон достигнутое соглашение по экономическим вопросам¹³.

У. Черчилль писал по поводу советско-германского договора о ненападении: «Невозможно сказать — кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным... Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю

глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий»¹⁴.

Ход военных действий, развернувшихся в Европе, подтверждал эту необходимость. Наступление немецких войск в Польше стремительно развивалось на восток. Располагая многократным превосходством над польской армией, особенно в танках и авиации, передовые части вермахта на восьмой день достигли дальних пригородов Варшавы.

В то же время на западном фронте, в тылу Германии, происходили труднообъяснимые события, получившие название «странной войны». Армии Англии и Франции, имевшие превосходство над противником, фактически бездействовали. Англо-французские обязательства и заверения Польше перейти в решительное наступление на девятый, затем на пятнадцатый день войны (что подсказывал и здравый смысл) не выполнялись. Основные силы польских войск, несмотря на упорное сопротивление, были за две недели разгромлены. 17 сентября, когда Варшава ещё оборонялась, правительство Польши покинуло пределы страны. В тот же день на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии вступили части Красной Армии.

Официальные и неофициальные осуждения в Польше этого решения Советского правительства, в том числе в резолюции Сейма 23 сентября 2009 г. «в связи с 70-летием нападения СССР на Польшу» — тенденциозны и представлены вне контекста сложившейся военной обстановки: наступающие германские армии приближались к границам СССР. Немецкое командование нарушило согласованный рубеж предельного продвижения вермахта на восток и отвело за этот рубеж (демаркационную линию) свои войска только после категорического требования советского правительства. По свидетельству генерала вермахта Н. Формана демарш Москвы помешал осуществлению задуманного плана выхода немецких войск непосредственно к границам СССР.¹⁵ Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер назвал день 20 сентября 1939 г., когда в Берлине приняли решение об отводе немецких войск на согласованный рубеж «днем позора немецкого политического руководства».¹⁶

Большинство населения Западной Украины и Западной Белоруссии встречали Красную Армию как освободительницу. В ноябре 1939 г. Западная Украина воссоединилась с Украинской ССР, Западная Белоруссия — с Белорусской ССР. Вильнюс с прилегающей областью, захваченные в 1920 г. Польшей, возвратили Литве. Границу СССР установили примерно по т. н. линии Керзона, рекомендованной в 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши¹⁷.

Важнейшая задача советской политики в тот период заключалась в том, чтобы не допустить од-

новременного выступления против СССР Германии и Японии, обезопасить свои границы на западе и на Дальнем Востоке. Ввод войск на территорию Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики осенью 1939 г. и в июне 1940 г. на территорию Бессарабии (аннексированную Румынией в 1918 г.) и Северной Буковины был осуществлен при отсутствии организованного вооруженного сопротивления. Но обезопасить путем договоренности границу на северо-западе не удалось, что привело к кратковременной и кровопролитной войне с Финляндией. Новая граница была установлена мирным договором 1940 г. на удалении до 150 км от Ленинграда¹⁸.

Большим успехом советской политики, результатом поражения японских войск на р. Халхин-Гол явилось заключение 13 апреля 1941 года пакта о нейтралитете с Японией. Заслуга нашей дипломатии состояла в том, что она в ходе переговоров сумела использовать в интересах безопасности страны японо-американские противоречия, которые в тот период оказались сильнее. В дальнейшем это позволило Советскому Союзу избежать войны на два фронта.

***

В Москве ясно понимали, что, несмотря на достигнутые договоренности, нападение Германии остается опаснейшей угрозой для страны и стремились, далеко не всегда лучшими решениями и заявлениями, выиграть больше времени для укрепления обороны. В главном курс советской внешней политики, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами, оставался последовательным и неизменным. Переговоры с Англией возобновлялись через неделю после подписания 28 сентября 1939 г. советско-германского договора о дружбе и границе.

1 октября 1939 г. У. Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр), выступая по радио, сделал важное заявление: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который Германия не осмеливается напасть». 6 октября он пригласил советского посла И. Майского и в ответ на его вопрос: «Что Вы думаете о мирных предложениях Гитлера?» — сказал: «...некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда». Далее он разъяснил позицию британского правительства: «1) основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что Балтийские страны включаются в нашу (советскую), а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ

в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании¹⁹. Так возобновились англо-советские переговоры, в ходе которых Англия стремилась «навести мосты», а СССР — не сжигать их.

21 февраля 1940 г. нарком иностранных дел В. Молотов направил указание И. Майскому (оно «адресовано» и современным фальсификаторам истории. — *О. Р.*) следующим образом разъяснить английскому правительству политику СССР в отношении Германии: «Первое. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией; Второе. Хозяйственный договор с Германией есть лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн. марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Третье. Как был СССР нейтральным, так он и остается нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы запутать Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый «переход СССР в лагерь Германии» для своих особых целей в области внутренней политики»²⁰.

9 мая 1940 г. началось наступление вермахта на Западном фронте, которое по своей силе, размаху, оперативному искусству и достигнутым результатам без преувеличения поразило мир. 22 июня, через 44 дня, Франция капитулировала. Вместе с ней под пятой вермахта оказались Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Люксембург. Британский экспедиционный корпус, бросив вооружение, едва успел с помощью своего флота переправиться из района Дюнкерка через Ла-Манш и укрыться на Британских островах. Правительство У. Черчилля (с 10 мая он — премьер-министр) отклонило германские предложения о мирных переговорах, за которыми последовал «блиц» — немецкое воздушное наступление на Великобританию с целью «выбомбить» её из войны. Но в «битве за Англию» немецкая авиация встретила решительный отпор британских сил противовоздушной обороны и в результате больших потерь, стойкости и мужества, проявленных населением страны, не достигла поставленной цели.

Для советского политического и военного руководства скоротечное поражение англо-французской коалиции явилось фактором стратегической внезапности, возросшей угрозы войны с Германией, которая начала переброску своих войск к советским границам. Встречи и беседы В. М. Молотова с Гитлером и его

окружением 11–13 ноября в Берлине подтвердили наличие у Германии агрессивных замыслов, направленных против СССР. Тем временем в Великобритании под воздействием сложившейся обстановки настроения стали заметно меняться в пользу СССР как потенциального союзника. И. Майский сообщал в Москву 19 июня 1940 г.: «Вчера в конце дебатов по выступлению Черчилля в парламенте произошла следующая демонстрация: лейборист Джон Морган произнес небольшую речь, в которой он приветствовал назначение Криппса послом в Москву и призвал палату отметить прибытие Криппса «в эту великую страну и пожелать ему успеха в его работе». Со всех сторон (не только от лейбористской, но и с консервативной) раздались шумные одобрения, и все обернулось лицом к дипломатической галерее, в которой я сидел в числе других послов. Черчилль полуприподнялся со скамьи правительства и также обернулся в мою сторону, сделал дружественный жест по моему адресу рукой. Примеру Черчилля последовали ряд других министров, сидевших рядом»²¹.

Новый британский посол С. Криппс добился 1 июля 1940 г. встречи со Сталиным и вручил ему послание Черчилля от 24 июня, в котором говорилось, что Германия угрожает Великобритании, а также Советскому Союзу и высказывалось пожелание о восстановлении «обеими нашими странами» их прежних связей²². По итогам беседы, которая длилась около трех часов, Криппс сообщая, что она проходила «в дружеской, предельно открытой атмосфере», сделал вывод, что «русско-германское сотрудничество будет продолжаться» и выделил согласие Сталина на британское содействие в нормализации отношений с Турцией и решении проблемы Черноморских проливов²³. Послание Черчилля придало ещё большую активность британской политике на советском направлении. Угроза вторжения на Британские острова, «битва за Англию», возрастающее итало-немецкое давление на Балканах усилили стремление Великобритании добиться сближения с СССР и, если не разрыва, то ослабления советско-германских отношений, начиная с торговли, которую, впрочем, оценивали в Форин Офис как неудовлетворяющую запросы Германии. В Москве понимали всю сложность дипломатической обстановки и, чтобы избежать обострения отношений с Германией, 13 июля информировали немецкого посла Фон Шуленбурга о содержании переговоров между Криппсом и Сталиным. 17 июля о них было объявлено в Лондоне.

22 октября Криппс от имени Черчилля предложил подписать между Великобританией и СССР секретное соглашение, которое сближало политику двух стран, предусматривало признание *de facto* «власть Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях Польского государства, которые теперь находятся под советским главенством»²⁴. Советской дипломатии приходилось уклоняться под тем или иным предлогом

от «кардинальных» предложений английского правительства и в то же время не допускать ухудшения отношений с Великобританией как потенциальным союзником. Несмотря на изменившееся в Европе соотношение сил в пользу Германии, британские предложения в то время были неприемлемы. В Москве рассчитывали удержать Германию от войны против СССР, надеялись, что она ещё будет соблюдать пакт о ненападении. 24 февраля 1941 г. в ответ на инициативу министра иностранных дел А. Идена приехать в Москву для встречи с И. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский сообщил Криппсу, что «сейчас ещё не настало время для решения больших вопросов»²⁵.

3 апреля Черчилль направил Сталину послание, в котором сообщил о растущей угрозе нападения Германии на СССР²⁶.

Послание Черчилля, которое подтверждало сведения советской разведки о сосредоточении немецких войск у наших границ, могло послужить поводом для письма Сталина, направленного через несколько дней Гитлеру с запросом о причинах создавшегося положения и целях этого сосредоточения войск вермахта. Советский руководитель сообщил фюреру о том, что у него сложилось впечатление о подготовке Германии к нападению на СССР. В ответ Гитлер прислал «доверительное письмо», в котором сообщил, что «в Польше действительно сосредоточены крупные военные соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, так как он намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается своей честью главы государства»²⁷.

Вскоре последовал новый импульс недоверия и к английской политике в связи с прилетом в Англию 10 мая заместителя Гитлера по НСДАП Р. Гесса и советскими подозрениями об англо-германском сговоре. Однако как свидетельствуют доступные исследователям британские документы, относящиеся к миссии Гесса (часть их ещё остается закрытой до 2017 г.). Гесс, сам управляя самолетом, приземлился на парашюте в Шотландии, недалеко от имения герцога Гамильтона, при поддержке которого рассчитывал накануне нападения Германии на СССР договориться о заключении мира между Германией и Англией. Советские подозрения на этот раз не подтвердились. Военная угроза, нависшая над Великобританией и её владениями была столь велика, что установление союзнических отношений с СССР рассматривалось правительством как единственно возможное объединение сил для спасения страны, отпора и разгрома Германии и её союзников в Европе. Тем не менее, Криппс предложил использовать «дело Гесса» для давления на Россию и получил в этом поддержку из Лондона. Суть давления заключалась в том, что если СССР удовлетворит ожидаемые германские

требования, то вероятен англо-германский компромисс и СССР «останется один на один с Гитлером»²⁸.

Трезвый расчет, однако, взял верх. Парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Батлер на встрече 16 мая с Майским заверил советского посла в том, что «решимость правительства вести войну осталась в полной силе» и «Гесс будет рассматриваться как военнопленный»²⁹.

Советская разведка, начиная с 12 апреля, получала свою информацию о Гессе и его визитерах. Из материалов досье «Черная Берта» следует, что сообщения советской разведки в основном подтверждали официальное заявление британского правительства и, вместе с тем, содержат ряд невыясненных до настоящего времени обстоятельств³⁰.

Особое значение советское руководство придавало отношениям с Соединенными Штатами Америки как потенциальным союзником.

Точкой отсчета можно считать письмо И. Сталина, направленное в ноябре 1939 г. президенту Ф. Рузвельту, переданное полпредом СССР в США К. Уманским через государственного секретаря К. Хэлла, в котором выражалась надежда, что «общими усилиями может быть восстановлен мир»³¹. Война СССР с Финляндией резко обострила советско-американские отношения. США объявили «моральное эмбарго» — фактический запрет торговли с СССР, оказывали некоторую экономическую и военную помощь Финляндии, активно поддерживали её в международных делах. Однако дипломатические отношения США и СССР в этот период не были однозначно враждебными.

В дневнике В. Молотова содержится следующая запись его беседы с послом США в Москве Л. Штейнгардтом 1 февраля 1940 г., который, задав вопрос о перспективах урегулирования советско-финского конфликта, продолжал: «После революции Рузвельт — единственный президент, являющийся другом Советов: Вильсон, Гардинг, Кулидж, Гувер не были друзьями СССР и не хотели его признавать. Вопреки общественному мнению Рузвельт пошел на признание. За последнее время многие обращались к нему с требованиями порвать отношения с СССР, но он на это не пошел». В ответ на вопрос Штейнгардта об угрозе независимости Финляндии Молотов ответил, что он не хочет представить дело так, будто советское руководство опасалось нападения самой Финляндии, но «при развертывании европейской войны враждебная к СССР Финляндия могла бы стать опасным очагом войны». Он подчеркнул, что «в отношении независимости Финляндии у СССР не было и нет никаких претензий»³².

Заключение мира с Финляндией, поражение Франции и англо-французской коалиции, изменившее соотношение сил на европейском континенте в пользу Германии, обострение американо-японских противоречий способствовали развитию позитивной тенденции в советско-американских отношениях.

В апреле 1940 г. начались регулярные встречи, а, по существу, переговоры между США и СССР, которые с американской стороны преимущественно вел заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, а с советской стороны — К. Уманский. В Москве возникавшие вопросы обсуждали в основном В. Молотов и Л. Штейнгардт.

Главным камнем преткновения стала прибалтийская проблема. В Эстонии, Латвии и Литве под давлением Москвы к власти пришли промосковские правительства. В августе 1940 г. эти республики вошли в состав СССР. На их территории был создан Прибалтийский Особый военный округ. В отличие от Великобритании правительство США крайне отрицательно расценило эти события. Экономическое контрдавление в виде блокирования договорных поставок в СССР промышленного оборудования не могло принести и не принесло желаемых для США результатов. «Вот если бы СССР захотел купить в США 5 миллионов пальто, — заявил на одной из встреч с советскими представителями американский посол Л. Штейнгардт, — то он ручается, что Советский Союз получит эти вещи на следующий день»³³. Министр финансов Г. Моргантау информировал Уманского, что «весь вопрос о военных заказах находится в руках Госдепартамента, к которому и надо адресовать требования»³⁴.

Л. Штейнгардт, убеждая советское руководство, что СССР своими действиями в Польше, Бессарабии и Прибалтике подорвал благожелательное к себе отношение американцев, в то же время подчеркивал, что после падения Франции произошла «коренная перемена во взглядах США на события в мире в сторону реализма, и сложившаяся обстановка благоприятствует постановке вопроса об улучшении советско-американских отношений». Штейнгардт указал, что США «положительно решили вопросы о вывозе 70% закупленного оборудования, фрахте американских судов для этой цели, высокооктановом бензине, продаже вагонных осей и ожидают, что СССР сделает что-либо для дальнейшего улучшения взаимоотношений»³⁵.

СССР принял к сведению мнение правительства США о том, что Тройственное соглашение, заключенное между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г., усиливает опасность для стран, не участвовавших в войне, и что американское правительство надеется, что страны, не входящие в Тройственный союз, воздержатся от вступления в какое-либо соглашение с любым участником Тройственного пакта³⁶. Учитывая предстоящие в начале ноября президентские выборы (Ф. Рузвельт был избран на третий срок), советское руководство отказало настойчивым требованиям немецкой стороны опубликовать официальное сообщение о предстоящем визите Молотова в Берлин (11–13 ноября 1940 г.) до этих выборов и приняло неординарное по тем временам решение — сообщило в Вашингтон о своем согласии на открытие 15 декабря консульства США во Владивостоке, переговоры о котором велись по инициативе США уже

длительное время. В условиях обострившихся американо-японских соглашений это был рискованный для СССР шаг в правильном направлении. «Важно отметить, — писал 5 декабря 1940 г. американскому послу в Японии госсекретарь США, — что почти одновременно с визитом (Молотова в Берлин. — О. Р.) Советское правительство начало действовать более разумно и доброжелательно в решении многих вопросов, касающихся отношений между американским и Советским правительствами»³⁷.

В наступившем 1941 году советско-американские отношения медленно продолжали улучшаться. В первых числах января правительство США сообщило о своем согласии отменить «моральное эмбарго», а затем 21 января, Уэллес в беседе с Уманским (это была их 15-я встреча) сделал важное заявление: «Если бы СССР оказался в положении сопротивления агрессору, то США оказали бы ему помощь»³⁸. Такого рода заверения повторялись потом неоднократно. Был достигнут желательный для американской стороны компромисс в вопросе советско-германских торговых отношений. Позиция США, изложенная Штейнгардтом в беседе с заместителем наркома иностранных дел А. Лозовским, была следующей: «США помогают Англии, СССР помогает Германии, но США и СССР являются нейтральными державами, между ними нет никаких противоречий, которые толкали бы их к конфликту. Наоборот имеются все возможности для дружеских отношений»³⁹. Но в Госдепартаменте считали необходимым, чтобы СССР дал публичное заверение, что продукция, закупленная в США, не поступит в Германию. 24 февраля 1941 г. Уэллес на очередной встрече с Уманским заявил: «Не считает ли Советское правительство, что в интересах развития советско-американской торговли и с целью произвести благоприятный психологический эффект в США, было бы целесообразно, чтобы Советское правительство в той или иной форме официально заявило, что товары, закупленные в США, предназначались исключительно для нужд СССР»⁴⁰.

1 марта 1941 г. Госдепартамент США выпустил пресс-релиз, в котором говорилось: «В ходе продолжавшихся переговоров с заместителем государственного секретаря США Самнером Уэллесом советский посол Константин А. Уманский сделал сегодня по поручению своего правительства заявление, что товары, которые закупались и закупаются в Соединенных Штатах Союзом Советских Социалистических Республик, включая нефтепродукты и промышленное оборудование всех категорий, предназначаются исключительно для удовлетворения внутренних потребностей Союза Советских Социалистических Республик»⁴¹. И хотя такие конфликты продолжались, их время подходило к концу. В тот же день Уэллес сделал Уманскому заявление, которому американское правительство придавало характер исключительной важности. Он сообщил, что «по конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении американского правительства, в аутентичности

которых у американского правительства нет ни малейших сомнений, германские военные планы заключаются в том, чтобы *после достижения победы над Англией* (выделено мною. — О. Р.), несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР, причем планы этого нападения разработаны германским командованием во всех деталях⁴². Это сообщение было немедленно отправлено Уманским в Москву. По существу оно являлось дезориентирующим: Германия завершала подготовку к нападению на СССР.

История с конфиденциальными сведениями Уэллеса на этом не заканчивается. В тот же день, 1 марта, они были направлены Госдепартаментом послу США в Москве с указанием срочно в устном порядке сообщить их Молотову. Их текст заметно отличался: вместо слов «после победы над Англией» значилось «в *недалеком будущем*»⁴³ (выделено мною. — О. Р.) Штейнгардт выразил Хэллу сомнение в целесообразности передачи этих сведений Советскому правительству, в частности на том основании, что это ускорит заключение политического соглашения СССР и Японии. Но Хэлл 4 марта ответил Штейнгардту, что эти сведения уже сообщены 1 марта Уманскому⁴⁴.

В Москве действительно ожидался приезд министра иностранных дел Японии Й. Мацуока, и 13 апреля 1941 г. был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. Вскоре после этого Штейнгардт дипломатично заявил Лозовскому: «По мнению Соединенных Штатов, японцы не имеют намерения проводить агрессию в южном направлении, и сам Мацуока заявил категорически об этом. Это было бы сумасшествием... Он, Штейнгардт, также не считает, что пакт о нейтралитете между СССР и Японией направлен против Соединенных Штатов. В действительности этот пакт является ещё одним актом к сохранению мира на Тихом океане»⁴⁵. В США понимали, что СССР остается серьезной противодействующей Японии силой на Дальнем Востоке, и учитывали это в своей политике.

Позитивные результаты в ходе советско-американских переговоров этого периода достигались с большим трудом, осложнялись взаимными, подчас необоснованными претензиями, и отношения во многом оставались натянутыми, но тенденция к сближению, обусловленная нараставшей угрозой агрессии как против СССР, так и против США, тем не менее, прокладывала дорогу. Большая заслуга в этом принадлежала Рузвельту. «Он уже давно склонялся к мнению, что политика Советского Союза носит скорее не коммунистический, а националистический характер, более прагматична, нежели идеологизирована. Вследствие этого он отклонял аргументы Буллита и прислушивался к мнению Джозефа Дэвиса, который сменил Буллита на посту посла в Москве.

Нацистско-советский пакт и советское нападение на Финляндию, вызвавшие возмущение президента, были интерпретированы Белым домом как следствие, скорее, советских опасений германской агрессии, нежели коммунистической экспансии»⁴⁶.

Надо сказать, что некоторые оценки Л. Штейнгардтом международного положения и политики СССР, несмотря на неприятие советского режима, помогли Рузвельту объективнее разобраться в обстановке. «Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии, — писал Штейнгардт 2 октября 1940 г. в Вашингтон, — заключалась в том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к военному конфликту с Германией, то повлекли за собой настоящий риск возникновения такого конфликта». И далее: «Если говорить о советской политике, как я её понимаю, то она направлена на то, чтобы избежать войны, и, конечно, чем дальше удастся предотвратить нападение Германии и Японии, вовлеченных где бы то ни было в большие войны, тем успешнее будет собственное сопротивление»⁴⁷. О «тупом упорстве» Уэллеса говорил Штейнгардт на одной из бесед с советскими дипломатами⁴⁸.

Реалистичной была оценка расстановки сил в американской политике и у советской дипломатии. Однако ей не хватало гибкости. Уманский и Уэллес не нашли «общего языка», не доверяли друг другу, что усложняло обстановку на переговорах. Уманский сообщал в Москву, что, по его мнению, Уэллес «тяготеет к более враждебному нам лагерю... Он занимает как бы центристское положение между сторонниками сближения типа Икеса, Моргентау, Гопкинса и обозленной антисоветской кликой буллитовской масти»⁴⁹. Но все это имело второстепенное значение. Главное — ко времени нападения Германии на СССР Рузвельт и Черчилль пришли к общему решению о том, что Великобритания и США поддержат СССР в борьбе против нацистской агрессии, хотя, каковой будет эта поддержка, было далеко неясно⁵⁰.

***

События 1939–1941 гг. на протяжении многих десятилетий являются объектом особо настойчивого искажения их реального содержания, взаимосвязи причин и последствий, сокрытия подлинных целей политики западных держав и в то же время необоснованных обвинений Советского Союза, имеющих целью нанести ущерб международному авторитету, политике и облику современной России. Эта антироссийская кампания, к которой присоединилась часть отечественных историков и журналистов, впервые возведена усилиями Евросоюза на межпарламентский уровень. Имеется в виду принятая 3 июля 2009 г. резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ, смысл и суть которой заключается в обвинении России, в то время Советского Союза, как соучастника совместно с нацистской Германией развязывания Второй мировой войны и других международных преступлений. Сразу скажем, что авторам резолюции не откажешь в словесной «изысканности». 19 пунктов резолюции содержат пространные рассуждения о равнозначно-

сти нацизма и сталинизма, призыв объявить 23 августа днем памяти их жертв, двусмысленное «напоминание» о Холокосте, ссылки на Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в 1975 году в Хельсинки, другие документы, но все это служит камуфляжем названной ранее цели резолюции. Она призывает к воссоединению разделенной Европы, но на деле дискредитирует и отчуждает Россию, сея недоверие и ксенофобию между народами.

Резолюция ОБСЕ «является прямым оскорблением памяти миллионов наших соотечественников, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашистского ига, от Холокоста, от газовых камер и концлагерей за то, чтобы мы, потомки павших, жили в мирной и свободной Европе», — говорится в совместном заявлении, принятом Советом Федерации и Государственной Думой 7 июля с/г⁵¹.

Одна из причин появления резолюции ОБСЕ вызвана, на наш взгляд, открытием в России в последние годы крупных массивов документов, относящихся к событиям 1939–1941 гг. Только Министерством иностранных дел опубликовано более 1600 в большинстве своем ранее неизвестных документов, относящихся к этому периоду⁵². Многие тысячи томов рассекречены в Центральном архиве Министерства обороны и других архивах. Эти документы подтверждают, что, несмотря на просчеты и ошибки, советская внешняя политика со времени прихода Гитлера к власти и до нападения нацистской Германии на СССР была направлена на создание системы коллективной безопасности, союза государств и народов для борьбы с фашистской агрессией. В то же время документы неопровержимо показывают (как и ранее опубликованный «Архив Дирксена»), что целью западных демократий было не только избежать вовлечения в войну, но и, способствуя вооружению Германии, направить заряд её агрессии против СССР. Антикоммунизм был лишь ширмой, которая прикрывала борьбу между Англией и Францией с одной стороны, Германией и Италией — с другой за господство над Европой. Эти ставшие документально очевидными цели имперской политики западных держав и вызвали появление «защитного противовеса» в виде «пунктов» резолюции ОБСЕ. События, которые привели ко Второй мировой войне, сводятся методом умолчания к советско-германскому договору о ненападении. Оценка конкретной исторической обстановки, которая диктовала России необходимость принятия неотложных решений для обеспечения собственной безопасности в условиях международной изоляции, отсутствует. Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала, подтвержденные ООН, и приговор немецким военным преступникам, осужденным за агрессию против СССР и других стран, игнорируются.

Версия о виновности СССР во Второй мировой войне впервые была озвучена в декларации Гитлера

22 июня 1941 г., для оправдания нападения на нашу страну, а затем «развита» в сочинениях уцелевших гитлеровских генералов и «первого поколения» немецких историков-неонацистов (Г. Бреннеке, У. Валленди, В. Глазобок, Э. Хельдмах и др.). Книга последнего «Нападение?» неоднократно переиздавалась ещё в 1980-е годы.

Но «единого фронта» у европейских парламентариев и историков не получилось. На Западе всегда была влиятельная группа ученых, которая сторонилась заказных официозных оценок, придерживалась самостоятельного и объективного взгляда на события. Один из таких британских авторов С. Милайн опубликовал в газете «Гардиан» 9 сентября 2009 г. статью, название которой отражает её содержание: «Это переписывание истории отравляет атмосферу в Европе. Обвинение СССР во Второй мировой войне не только бессмысленно, но и воодушевляет сторонников нацистского наследия времен войны». Он пишет, что «до сих пор» ответственность за войну «возлагалась на Гитлера и нацистский режим геноцида». Но «возродившийся правый национализм в Восточной Европе и истерический ревизионизм сравнивают нацизм с коммунизмом». С. Милайн заключает: «Советский Союз внес решающий военный вклад в поражение Гитлера ценой 25 миллионов жизней, поэтому неудивительно то возмущение, с которым русские встретили подобные обвинения. Когда Президент Дмитрий Медведев назвал параллель между нацизмом и Советским Союзом „циничной ложью“, он говорил не только от имени Правительства, но и всей страны, за ним стояла внушительная часть остального мира».

Резолюция ОБСЕ взаимосвязана с развернувшейся на Западе кампанией пересмотра оценок антигитлеровской коалиции, попыток представить её как «ошибку истории», «противоестественный союз», отлучить нашу страну от победы и выпятить решающим вклад в неё западных союзников. Шельмуются решения «Большой тройки», усилилась критика лично Рузвельта и Черчилля за «промахи» в отношениях с СССР, не говоря уже о Сталине, за которым, оказывается, стояли некие «черные силы, направлявшие его злодеяния». Бойцов Красной Армии, освободителей Европы, которых встречали цветами и слезами радости сотни тысяч жителей многих стран, изображают уродами и насильниками. Включились в эту постыдную кампанию политические деятели крупного калибра. Среди них Дж. Буш, в то время президент США, выступая в Латвии, осудил «в одной корзине» мюнхенский сговор, советско-германский договор о ненападении и ялтинские соглашения⁵³.

Антигитлеровская коалиция была создана волей правительств и народов, осознавших необходимость объединиться в борьбе против нацистской агрессии. Каким-либо особым решением антигитлеровская коалиция не оформлялась и не распускалась. Разгромив агрессоров, она заняла достойное место в мировой

истории. Не поддается фальсификации и главный урок её деятельности — возможность и необходимость единства сил противостоящих современным угрозам. Следуя этим курсом, советская дипломатия и разведка обеспечили в канун Великой Отечественной войны достижимые в сложившейся обстановке внешнеполитические условия для отражения германской агрессии, добились максимума в «искусстве возможного».

- ¹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. Пер. с англ. М. 1976. С. 23.
- ² Мировые войны XX века. Кн. 4. М., 2005. С. 65.
- ³ «Завтра может быть уже поздно» Вестник МГИМО — Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 376.
- ⁴ Координация действий советских и монгольских войск возлагалась на фронтовое управление, которым руководил командарм 2 ранга Г. М. Штерн. Монгольскими войсками командовал маршал МНР Х. Чойбалсан.
- ⁵ Подробнее см. Мировые войны XX века. Кн. 3. М. 1995. С. 16–76.
- ⁶ Documentes diplomatiques francaise 2e Serie. T. XVIII. P. 1984 p. 127, 212. (Далее DDF). Подробнее см. 1939 год. Уроки истории. Часть II. Гл. 5. Упущенная возможность (С. 298–318).
- ⁷ Год кризиса 1938–1939. Том II. Документы и материалы. М. 1990. С. 294. Подробнее см. Секреты польской политики 1935–1945. Сборник документов (Составитель Л. Ф. Соцков). М. 2009
- ⁸ Rees L. Behind Closed Doors. L. 2008. P. 15
- ⁹ DDF. T. XVIII p. 232. М. Гамелен — начальник французского генерального штаба, генерал. Один из виновников поражения Франции в 1940 г.
- ¹⁰ Мосли. Утраченное время. Пер. с англ. М. 1972. С. 305–307.
- ¹¹ Read A., Fisher D. The Deadly Alliance: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact 1939 1941. L. 1988. P. 115.
- ¹² Polonsky A. (ed.) The Great Powers and Polish Question. L. 1976. P. 67–69.
- ¹³ Подробнее см. Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия 1933–1941. М., 2009. С. 253–324. (Далее Вестник Архива Президента.)
- ¹⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. I. Надвигающаяся буря. Пер. с англ. М., 1955. С. 357, 358. Российские историки-ревизионисты, заимствуя распространяемую на западе негативную трактовку договора нередко «переписывают» свои собственные оценки. Профессор В. И. Дашичев в своем труде «Банкротство стратегии германского фашизма», изданном в 1973 г., приводит цитату, согласно которой советско-германский договор о ненападении «расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для укрепления обороны страны» (Т. 1. С. 8). В «переработанном и дополненном» издании 2005 г. договору дается иная оценка: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.». Автор также утверждает, что «крупной ошибкой Сталина было и то, что после разгрома Франции он не пошел в 1940–1941 г. на поиски союза с Англией... Черчилль оказался намного умнее...» (Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. М., 2005. Т. 1. С. 12–13). Эти утверждения также не соответствуют действительности.
- ¹⁵ История Второй мировой войны 1939–1945. Том третий. М., 1974. С. 357
- ¹⁶ Гальдер Ф. Военный дневник. Том 1. М., 1968. С. 125.
- ¹⁷ Видный украинский историк В. С. Макарчук, указывая на необоснованность осуждения секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении II Съездом народных депутатов СССР в 1989 г., отмечает, что согласно международному праву протокол не может объявляться «недействительным с момента его подписания» и составлен так, что «формально не нарушал принятой на то время практики международно-правовых документов». Подробнее см. В. С. Макарчук. События сентября 1939 года в свете доктрины интертемпорального права и права на «самопомощь» в кн. Нарочницкая Н., Фалин В. и другие. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну. М., 2009. С. 208–240.
- ¹⁸ Следует отвести как несостоятельную версию некоторых финских и отдельных отечественных историков о советских планах оккупации Финляндии, ликвидации её независимости и включения в состав СССР. Так Л. П. Колодникова утверждает (без указания источника), что «с самого первого дня войны было четко сформулировано, когда взять Выборг, когда водрузить красный флаг над финским парламентом и когда выйти к шведской границе». Колодникова Л. Советско-финляндская война: взгляд через 70 лет. В кн. К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. М. 2009. С. 274. Эта версия опровергается официальными заявлениями Советского правительства в период «зимней войны» (см. с. 19), самим ходом её событий.
- ¹⁹ Телеграмму И. Майского об этой беседе см ДВП.1939 год. Кн. 2. М. 1992. С. 167–169.
- ²⁰ Архив внешней политики РФ Ф. 059. оп. 1, п. 326, д. 13, л. 4 (Далее АВПРФ). Новые документы, см. Вестник Архива Президента. С. 185–210.
- ²¹ АВПРФ. Там же, лл. 44–53. См. также Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. Книга 2. Часть 1. М. 2009. С. 201.
- ²² Документы внешней политики 1940–22 июня 1941. Том двадцать третий. Книга первая. М., 1995. с. 399, 400. (Далее ДВП 1940–22 июня 1941).
- ²³ Woodward. L. British Foreign Policy in the Second World War. Wolume I. L. 1970. p. 468–470 (Далее Woodward).
- ²⁴ Подробнее см. Чубарьян А. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939-июнь 1941 года». М., 2009. с. 389 и далее.
- ²⁵ АВПРФ Ф. 059. п. 353, д. 2409. л. 54.
- ²⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.. Т. 1. М., 1986. С. 442–443 (Далее Переписка).

²⁷ Цит. по Лота В. Увидеть красный свет. Российское военное обозрение № 7, июль 2008 г. с. 46. Сведения о первоисточнике этой переписки не указаны.

²⁸ Woodward. L. P. 614, 615. Вокруг дела Гесса возникло множество легенд, одна из них — в Англии. Британский хирург Х. Томас, который в соответствии с порядком пребывания немецких военных преступников в тюрьме Шпандау, наблюдал за состоянием Р. Гесса, на встрече с автором в 1986 г. в Лондоне утверждал, что в тюрьме Шпандау находился кто-то другой, но не Р. Гесс. Этому «двойнику» Х. Томас сделал несколько рентгеновских снимков легких, но, по его словам, «остающихся на всю жизнь» следов сквозного ранения левого легкого, полученного Р. Гессом в Первую мировую войну, не обнаружил.

²⁹ ДВП 1940 — 22 июня 1941. Кн. 2. Часть 2. С. 690.

³⁰ Очерки истории советской военной разведки. Т. 3. 1933–1941 годы. М., 1997. С. 433–440.

³¹ АВПРФ. Ф. 059. оп. 1. п. 320. д. 2199. л. 249–250. Полный текст послания не известен. По всей видимости, оно было оставлено без ответа, так как вскоре началась Советско-финская война.

Направляя это послание, Сталин, без сомнения, имел в виду беседу Рузвельта с Уманским 30 июня 1939 г., которая свидетельствовала о понимании президентом США нарастающей угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке, его стремления объединить усилия неагрессивных стран, включая СССР, для борьбы с агрессорами. Уманский, в частности, сообщал Молотову: «Заявление, подробности которого доложу лично, в основном следующее: положение в Европе крайне опасное, сроки новой агрессии исчисляются неделями. Дальнейшая безнаказанная агрессия грозит экономическим, затем политическим закабалением всей нефашистской Европы. С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не могут примириться США. Он (президент США. — О. Р.) делает все в пределах возможного при данном составе конгресса, чтобы содействовать созданию демократического фронта, и готовит помощь жертвам агрессии. Он понимает причины нашего недоверия к нынешним правительствам Англии и Франции, сам не верит французам, особенно Бонне, но на основании сказанного ему в интимной беседе английским королем считает, что пути к дальнейшему «умиротворению» для Англии отрезаны. Шансы на то, что Польша будет драться за Данциг, по мнению Рузвельта, «два к одному» в пользу сопротивления. У англо-французов не может быть никаких сомнений в заинтересованности его, Рузвельта, в благоприятном завершении московских переговоров...

События на границе МНР, величайший воздушный бой в истории. Он не верит японским версиям, высоко оценивает нашу боеспособность. Он просит передать Сталину и Молотову, что на днях получил конфиденциальное письмо от весьма авторитетного японского деятеля, который четыре года назад был членом японского кабинета.. Этот деятель предложил ему схему японо-американского сотрудничества «по эксплуатации богатств Восточной Сибири чуть ли не до Байкала». «Фантастично, но характерно для планов некоторых японских активистов, которые несмотря на истощение Японии не оставили мыслей об авантюрах в Вашем направлении». Он придает большое значение советско-американским отношениям в нынешней обстановке, считая, что для их развития следовало бы: «Во-первых, снять раз и навсегда вопрос о долгах, во-вторых, давать доказательства американскому общественному мнению, что СССР идет по пути демократизации и тем духовно приближается к США...»

Рузвельт очень хвалил наш павильон в Нью-Йорке, о котором ему «рассказывают чудеса». Просил передать привет Вам, Сталину и Калинину (ДВП. Т. 22, кн. 1. 1 января — 31 августа 1939 г. М., 1992. С. 524–525).

³² АВПРФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 24. Д. 295. Л. 2–6. В ходе этой беседы было названо имя Ю. Паасикиви как при определенных условиях приемлемого для СССР будущего премьер-министра Финляндии, что в свою очередь косвенно указывало на готовность прекращения деятельности сформированного в Москве «народного правительства» О. Куусинена, не получившего поддержки финской общественности. Это может свидетельствовать также о том, что советское руководство рассматривало США как реального и обладающего необходимым влиянием посредника для подготовки переговоров о прекращении войны. Подробнее см. ДВП 1940–22 июня 1941. Кн. 1. М. 1995. С. 66–69.

³³ АВПРФ Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 7361. Л. 44.

³⁴ АВПРФ Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 236. Л. 328.

³⁵ Там же. П. 320. Д. 2202. Л. 56–57.

³⁶ Там же. Д. 2202. Л. 84–87.

³⁷ FRUS, 1940. Wash., 1959. Vol. I. P. 678.

³⁸ АВПРФ ф. 059, оп. 1, п. 345, д. 236, лл. 86–87.

³⁹ Там же. П. 320. Д. 2260. Л. 149.

⁴⁰ Там же. П. 345. Д. 2361. Л. 215.

⁴¹ FRUS, 1941. Vol. I. P. 317.

⁴² АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 343. Д. 2361. Л. 243–247.

⁴³ FRUS, 1941. Vol. I. P. 712. Американская запись беседы Уэллеса с Уманским не найдена, и последнее слово в этом запущенном деле остается за историками США.

⁴⁴ Ibid. P. 714.

⁴⁵ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 36. Л. 47–48.

⁴⁶ Kimball W. The Juggler: Franklin Roosevelt as War time Statesman. Princeton (New Jersey), 1991. p. 30–31.

⁴⁷ FRUS, 1940. Vol. I. P. 616–617.

⁴⁸ Там же. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 35. Л. 173. В свою очередь К. Хэлл крайне отрицательно относился к Уманскому и считал, что он «нанес большой ущерб российско-американским отношениям» (The Memoirs of Hull. N. Y., 1948. Vol. I. P. 743).

⁴⁹ АВПРФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 361. Г. Икес — министр внутренних дел США.

⁵⁰ См. Советско-американские отношения 1939–1945. Под редакцией академика Г. Н. Севостьянова; сост. Б. И. Жилиев, В. И. Савченко. М., 2004. Мягков М. Проблема послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях. М., 2006.

⁵¹ Российская газета, 8 июля 2009 г.

⁵² Документы внешней политики. 1939 год. В двух книгах М., 1992. Документы внешней политики 1940–22 июня 1941 г. В двух книгах. М., 1995, 1998.

⁵³ Rees L. Указ. соч. P. 211.